

Милана Седина
Юнона Стангард

МОЙ ХОККЕИСТ

Обратный билет

Юнона Стангард

Мой хоккеист. Обратный билет

«Автор»

«Автор»

2026

Стангард Ю.

Мой хоккеист. Обратный билет / Ю. Стангард — «Автор»,
«Автор», 2026

До закрытия трансферного окна — считанные часы. Я, спортивный юрист Мирослава Воронова, должна вернуть Кириллу Сабурову право играть за «Динамо». Звезда НХЛ приехал домой после предательства агента, но его уже встречают провокаторы, камеры и требование выплатить пятнадцать миллионов долларов. Кирилл больше не верит юристам. А я ставлю на кон свою карьеру, чтобы он поверил мне. На льду он не отступает перед соперниками. В жизни — закрывает меня собой и дарит заботу, от которой рушится моя профессиональная выдержка. Пока бывший агент готовит новую подставу, мы сражаемся за его имя и будущее клуба. Только как защитить собственное сердце, если мой самый опасный клиент становится самым нужным мужчиной?

© Стангард Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Милана Седина, Юнона Стангард

Мой хоккеист. Обратный билет

Мой хоккеист. Обратный билет
Милана Седина и Юнона Стангард

Глава 1

Двадцать один час пятнадцать минут. Воздух в зале прилёта терминала С пахнет дешёвым дорожным кофе, мокрым снегом с автоматических створок и густым, почти осязаемым электричеством скандала.

Я стою у стеклянного ограждения двенадцатого гейта, сжимая под мышкой плотную кожаную папку с тиснёным синим гербом «Динамо». Внутри — три оригинальных экземпляра трудового договора на три сезона, от которого зависит, растерзают ли наш клуб завтра утром спортивные таблоиды или мы перевернём весь баланс сил в Континентальной лиге. Пальцы в тонких кожаных перчатках немеют, но не от сквозняка, а от ледяного напряжения, стянувшего затылок.

Вокруг бушует море. Полсотни спортивных репортёров, наёмных блогеров с тяжёлыми штативами и охотников за сенсациями спрессовались в душное, орущее кольцо. Вспышки камер бьют по глазам короткими белыми иглами, отражаясь в полированном керамограните.

— Назад! Отойдите за барьер! — старший смены службы безопасности аэропорта упирается руками в металлическую стойку, наглухо заблокировав служебную калитку на магнитный замок. Охрана отрезала сектор прилёта целиком: для них это не возвращение легенды хоккея, а потенциальная давка первой категории. До полуночи меньше трёх часов, а трансферное окно лиги не прощает опозданий ни на долю секунды.

Я делаю решительный шаг вперёд, расстёгиваю тёмно-синее кашемировое пальто и достаю ламинированное удостоверение адвоката вместе с золотистой голограммой специального регламентного пропуска КХЛ для встречи экстренных трансферов.

— Старший смены, внимание на документ, — мой голос звучит негромко, но предельно ровно, с той сухой металлической интонацией, которую вырабатывают годы жёстких арбитражных процессов. — Мирослава Павловна Воронова, координатор международных переходов ХК «Динамо». Пункт 4.2 протокола безопасности лиги и статья двенадцатая Федерального закона о спорте. Если вы не откроете калитку через десять секунд, клуб оформит протокол об умышленном воспрепятствовании исполнению служебных обязанностей с возложением всех финансовых издержек на дирекцию терминала.

Охранник сглатывает, скользит взглядом по номеру допуска и торопливо прикладывает мастер-карту. Электронный замок щёлкает. Я прохожу в накопитель зоны контроля, но в ту же секунду сквозь створку за моей спиной проскальзывает сухопарый мужчина в дорогом графитовом пальто.

Марк Аркадьевич Левин. Московский юрист швейцарского агента Кристиана Бреннера. На его холёном лице играет самодовольная усмешка стервятника, в руках — тяжёлый кожаный портфель с тиснением цюрихской палаты.

— Воронова, стоять, — Левин выставляет локоть, нагло перерезая мне путь к ленте багажа. — Ты совершаешь должностное самоубийство. Твой Сабуров обременён судебным запретом штата Массачусетс на пятнадцать миллионов долларов. Вот официальное уведомление. Распишись во входящем за клуб, иначе завтра «Динамо» окажется под международным трибуналом, а тебя с треском лишат адвокатского статуса.

Он с размаху пытается ткнуть плотным гербовым пакетом мне прямо в нагрудный карман пальто, оттесняя плечом к бетонной колонне. Операторы за ограждением ловят удачный ракурс, объективы телефонов тычутся мне в лицо, со всех сторон сыплется выкрики.

Я не отступаю ни на сантиметр. Смотрю Левину прямо в зрачки — холодно, без малейшей дрожи в голосе:

— Спрячьте вашу макулатуру, Левин. Откройте статью 409 Гражданского процессуального кодекса и тридцать первую главу Арбитражного процессуального кодекса России. Судебные приказы округа Бостон не имеют силы на территории нашей страны без вступившего в законную силу определения арбитражного суда РФ об экзекватуре. В международной трансферной системе ИИХФ карточка Сабурова свободна от обременений. А если вы ещё раз коснётесь моей руки или папки — я вызову дежурного следователя линейного отдела МВД прямо сюда и зафиксирую нападение на представителя клуба при исполнении.

Левин дёргается, отдёргивая руку, но толпа наёмных провокаторов сзади берёт меня в плотное кольцо, отрезая от выхода.

И в эту секунду матовые створки таможни бесшумно расходятся.

Толпа ждала напуганного беглеца, прячущего лицо под капюшоном, или свиту телохранителей. Но Кирилл Андреевич Сабуров выходит один.

Огромный. Почти два метра натянутой, несокрушимой мужской мощи. Плотное чёрное худы с небрежно засыпанными снегом широкими плечами, массивный баул сборной на одном плече, который он держит так легко, словно в нём нет двадцати килограммов амуниции. На мужественном лице — жёсткая трёхдневная щетина, а в глазах цвета мартовского льда горит такое спокойное сибирское бешенство, что воздух вокруг словно падает на десять градусов.

Он мгновенно оценивает диспозицию и идёт напролом. Это не походка усталого пассажира после трансатлантического рейса — это движение форварда, взламывающего среднюю зону на максимальной скорости. Сабуров сносит ближайшего оператора плечом так, что тот отлетает в сторону вместе со штативом, расталкивает окружение Левина и вырастает передо мной монолитной живой стеной.

Запах морозного ветра, холодного металла и первобытной мужской силы накрывает меня с головой. Моё сердце пропускает глухой удар.

— Сабуров! — визжит Левин, пытаюсь протиснуться сбоку и сунуть бумагу Кириллу под подбородок. — Ты банкрот, подпиши отказ!

Кирилл смотрит строго вперед. Его тяжёлая ладонь в кожаной перчатке молниеносно перехватывает запястье юриста, сжимая кости до сухого хруста связок. Левин сипнет от боли, его пальцы разжимаются, конверт падает на плиточный пол.

Сабуров свободной рукой подхватывает бумагу, вслепую сминает её в жесткий ком и с небрежной силой швыряет под ноги юристу:

— Я вернулся домой и буду играть за «Динамо». А ты передай Бреннеру: если он ещё раз сунется к моему клубу или посмеет тронуть Мирославу — я сам приеду в Цюрих. Поехали, Мира. За мной никто не пройдёт.

Он слегка подталкивает меня вперёд, закрывая правым плечом. У служебного выхода двое операторов в отчаянии пытаются перекрыть автоматические двери тяжёлыми металлическими треногами. Сабуров сохраняет прежний мощный темп шага: свободной левой рукой он сгребает обе стойки в охапку, выдёргивает их из рук парней и швыряет в угол коридора.

Затем бережно, но властно берёт меня за талию, буквально вносит в кабину служебного лифта, шагает следом и блокирует закрывающиеся створки широкой спиной.

Двери смыкаются, отрезая яростный гул терминала.

В тесной металлической кабине лифта темно и жарко. Кирилл стоит так близко, что между нами едва остаётся ладонь расстояния. Его горячее, глубокое дыхание касается моих волос на макушке, я слышу, как тяжело и размеренно вздымается его грудь под плотным хлопком худы.

Он медленно опускает взгляд. Его глаза смотрят прямо на меня, цепко, внимательно, проверяя каждую чёрточку моего лица:

— Ты цела, Мирослава?

В его низком голосе больше нет металла — осталась лишь глухая, оберегающая забота, от которой у меня сладко сжимается горло.

— Цела. Спасибо. Ты вовремя.

— Они не посмеют подойти к тебе, пока я рядом, — коротко роняет он.

Лифт с мягким толчком оседает на уровне подземной парковки. Через минуту мы уже падаем на заднее кожаное сиденье клубного тонированного внедорожника. Водитель Михаил Кузьмич Федотов — наш верный Михалыч — с визгом срывает машину с места, вылетая в снегопад на эстакаду Шереметьевского шоссе.

Я щёлкаю замком портфеля, вынимая три экземпляра договора:

— Кирилл, времени почти нет. Нужно подписать оригиналы сейчас, чтобы я успела загрузить сканы в защищённый реестр лиги с планшета, пока мы едем на набережную.

Он резко отворачивается к заснеженному стеклу, желваки на его скулах напрягаются до белизны:

— Убери бумаги, Мира. Меня тошнит от контрактов. В Бостоне мне тоже улыбались генеральные менеджеры и юристы, клялись в братстве, а потом вписали пункт об отступных в трастовый фонд агента и продали мои права за спиной, пока я лежал на операции. Я сыт по горло юридической ложью.

Я не спорю и не повышаю голос. Пододвигаюсь ближе по сиденью, раскрываю синюю папку на девятой странице и прижимаю палец к строкам:

— Читай, Кирилл. Пункт 8.3: «Безусловный запрет на обмен или передачу прав без личного нотариального согласия хоккеиста». И пункт 8.4: «В случае выявления любых скрытых агентских комиссий юридический координатор Мирослава Воронова несёт солидарную ответственность в размере ста процентов собственного годового оклада».

Сабуров медленно переводит взгляд с документа на меня. В полумраке салона его серые глаза расширяются. Он долго вглядывается в моё лицо, словно пытаясь найти хоть каплю лукавства или расчёта. Но находит лишь спокойную, кристальную решимость женщины, которая ставит своё имя и всю карьеру на кон ради его защиты.

— Ты сумасшедшая, Воронова, — тихо произносит он, но в его интонации звучит ошеломлённое уважение.

Он берёт из моих пальцев тяжёлую ручку, кладёт папку прямо на колени и размашисто расписывается на каждом листе. Тепло его сильных пальцев на секунду обжигает мою ладонь, когда он возвращает договор:

— Довольна, адвокат?

— Теперь ты официально дома, Сабуров, — я позволяю себе чуть заметно улыбнуться.

И в этот миг впереди вспыхивают сплошные алые гирлянды тормозных огней. Навигатор истерично багровеет:

— Твою дивизию! — Михалыч бьёт по рулю. — Бензовоз перевернулся у Химок, четыре полосы перекрыты намертво! Мы встряли минимум на два часа!

На часах 22:30. До закрытия трансферного окна восемьдесят девять минут.

— Михалыч, вправо! — командую я, вглядываясь в метель. — Через пятьдесят метров съезд на старую технологическую дорогу промзоны Молжаниново вдоль путей. Пробивай сугробы на заснеженный дублёр железной дороги!

Тяжёлый полный привод рычит, вспарывая полуметровый бруствер снега. Машину бросает на ухабах, Кирилл инстинктивно выставляет руку вперёд, крепко придерживая меня за плечо, чтобы я не ударилась о боковую стойку. Его хватка надёжна, как гранитная скала.

Мы срезаем глухую пробку и в 23:35 вылетаем к центральному зданию КХЛ на Овчинниковской набережной. До полуночи остаётся двадцать пять минут.

Глава 2

Гранитный холл аппарата лиги тонет в гулкой полуночной тишине. На электронном табло приёмной регламентного комитета горят красные цифры: 23:38.

Стеклянная перегородка экспедиции наглухо закрыта жалюзи. Дежурный администратор машет из окошка:

— Приём документов завершён в двадцать два тридцать! Комиссия окончила заседание, ждите понедельника!

— Понедельника не будет, — я решительно толкаю дубовую дверь кабинета председателя комитета Валерия Николаевича Рябова. — Параграф 14.8 экстренного регламента лиги: при форс-мажоре международных переходов из заокеанских лиг регистрация проводится лично председателем до нуля часов нуля минут.

Дверь с грохотом распахивается. Сидящий за полированным столом Валерий Николаевич Рябов — грузный чиновник в расстёгнутом жилете — вздрагивает так, что опрокидывает чашку с остывшим чаем:

— Воронова, вон отсюда! Десять минут назад из Цюриха пришёл срочный факс директора ИИХФ! Бреннер подал официальный протест! Если я открою шлюз и внесу Сабурова, лигу исключат из европейских соглашений, а нас лишат судейских квот! Я не стану ломать себе карьеру из-за вашего бунтаря!

Он хватает со стола лист термобумаги и трясёт им перед моим лицом.

— На этом факсе отсутствует регистрационный номер электронной системы ПНФ Transfer System, — холодно парирую я, подходя к столу вплотную. — Это частный запрос конторы, юридически ничтожный. Открывайте базу.

— Я сказал нет! — Рябов хватается пальто и рвётся к служебной лестнице.

Но в дверном проёме вырастает Кирилл. Сабуров мягко, но несокрушимо опускает тяжёлую ладонь чиновнику на плечо, направляя вниз по винтовым ступеням:

— Мы не закончили разговор, Валерий Николаевич. Пройдёмте в серверную. Мирослава вам всё подробно объяснит.

Под весом руки форварда чиновник бледнеет, сглатывает и покорно шагает вниз.

В серверной на минус первом этаже ровно гудят стойки. За терминалом сидит сонный оператор.

— Садитесь, Валерий Николаевич, — я выкладываю перед Рябовым правовой меморандум. — Забудьте о швейцарских регламентах. Статьи 348.1–348.12 Трудового кодекса РФ и Федеральный закон о спорте. Конституционное право гражданина России на труд обладает абсолютным суверенным приоритетом над любыми иностранными частными директивами без экзекватуры в судах РФ. Если вы сейчас откажетесь принять полный комплект документов, я потребую письменный отказ с вашим именем и временем регистрации. Завтра его увидят руководство лиги, суд и каждый болельщик, который сейчас ждёт Сабурова.

Рябов стирает платком пот со лба:

— База уже закрыта! Техник отключил шлюз трансферов в одиннадцать!

— Врёт, — спокойно роняет Кирилл.

Сабуров достаёт смартфон, наводит фронтальную камеру на себя и чиновника и запускает прямой эфир:

— Всем доброй ночи. Прямой эфир из серверной КХЛ на Овчинниковской набережной. Время двадцать три пятьдесят. Смотрим со всей страной, как председатель комитета Рябов принимает решение о моём возвращении домой.

Счётчик зрителей взрывается на глазах: пятьдесят тысяч... триста тысяч... полтора миллиона за минуту! Экран кипит комментариями болельщиков со всей страны.

Рябов в ужасе машет руками:

— Выключи это немедленно! Миша, открывай карточку номер восемьдесят восемь! Быстро!

Оператор судорожно стучит по клавишам. На экране появляется карточка Кирилла. На настенных часах — 23:51. Девять минут до полуночи.

— Ошибка транзакции! — вскрикивает парень. — Шлюз Цюриха не отдаёт подтверждение! Автоматика отклоняет активацию без международного клиренса!

— Отойди, — я решительно отстраняю техника и сажусь в кресло. Достаю с шеи флеш-накопитель с защищённым клубным криптографическим сертификатом и вставляю в разъём. — Открывайте резервный канал лиги. Международный клиренс есть в пакете, проверяем его вручную. Авторизация главного юрисконсульта Вороновой. Ввод клубного ключа.

Оператор подтверждает уже полученный международный клиренс по резервному каналу; Рябов подписывает решение своей электронной подписью. Мой клубный ключ удостоверяет поданные документы, а допуск выдаёт лига. Я бью по клавише ввода. Экран на две секунды замирает, и ровно в 23:54:12 прямоугольник карточки вспыхивает чистым изумрудным светом:

«АКТИВЕН. ДОПУЩЕН К МАТЧАМ ЧЕМПИОНАТА КХЛ».

Рябов бессильно валится на стул. Кирилл гасит трансляцию, где застыла цифра в два с половиной миллиона зрителей.

Мы выходим в пустой холл первого этажа. Напряжение спадает, оставляя ватную пустоту. Колени предательски подкашиваются от бешеного переутомления, к глазам подступают горячие слёзы слабости. Я оступаю у гранитной стойки.

Но Кирилл мгновенно подхватывает меня под локти, бережно удерживая на ногах, и усаживает на мягкий кожаный диван:

— Тише, Мира. Всё позади. Мы победили.

Он отходит к кофейному автомату и приносит стаканчик горячего шоколада. Затем опускается на колени прямо передо мной на гранитный пол, берёт мои ледяные пальцы в свои огромные горячие ладони и начинает согревать их сильными, осторожными движениями:

— Пей. Маленькими глотками. Ты совсем замёрзла.

Густое сладкое тепло разливается по телу. Я смотрю в его серые глаза и вижу такое открытое, глубокое восхищение, от которого сладко кружится голова.

— Ты невероятная, Мира, — тихо произносит он, не выпуская моих рук. — Никто в жизни не дрался за меня так, как ты сегодня.

— Это просто моя работа, Сабуров, — шепчу я, пытаюсь улыбнуться.

— Нет, — он мягко сжимает мою ладонь. — Это не работа. И я этого никогда не забуду.
* * *

Следующий вечер. На переполненной арене ВТБ гремит первый перерыв дебютного матча Сабурова против «Локомотива». Счет 1:1, на площадке идёт ожесточённая, вязкая борьба.

Я поднимаюсь на четвёртый этаж в сектор VIP-лож. У дверей президентской ложи банка «Северный Альянс» дорогу преграждают двое телохранителей:

— Вход закрыт. Господин Громов не принимает персонал клуба.

— Я специальный представитель президента клуба по стратегическим инвесторам, — я предъявляю служебную карту с личной подписью генерального директора. — Шаг назад.

Охрана нехотя расступается. В ложе пахнет сигарным дымом и коньяком. За полированным столом сидит председатель правления банка «Северный Альянс» Виктор Сергеевич Громов. Перед ним лежит проект отзыва финансирования:

— Воронова! — банкир бьёт ладонью по столу. — Ты читала утренние швейцарские таблоиды?! «Динамо покрывает махинатора»! Наш банк вложил двести пятьдесят миллионов рублей! Совет директоров требует немедленного разрыва по репутационной оговорке!

— Виктор Сергеевич, вдохните глубже, — я спокойно сажусь в кресло напротив. — Пункт 11.2 требует вступившего в законную силу обвинительного приговора суда. Его нет и не будет. Односторонний отзыв даст клубу основание оспорить разрыв договора и взыскать убытки. Но вы здесь ради прибыли. Взгляните на цифры.

Я разворачиваю к нему планшет:

— Индекс упоминаемости бренда банка вырос на четыреста двадцать процентов за шестнадцать часов. Билеты на все матчи «Динамо» раскуплены за сорок минут. Скандал, поднятый Бреннером, дал вам бесплатный рекламный охват на сотни миллионов рублей.

Громов вглядывается в диаграммы, снимая очки:

— Допустим. Но совет директоров требует позитивной отдачи, а не шума вокруг судов.

— Она готова. Лимитированная серия кобрендинговых карт «Динамо — Сабуров 88». Именной автограф Кирилла, кэшбэк на клубные матчи, а три процента от всех транзакций направляются напрямую в фонд спасения детских хоккейных школ Москвы. Безупречная социальная линия высшей пробы.

— Сабуров никогда не подпишет рекламные права банку. Он в Америке презирал коммерцию.

— Я лично представлю ему условия. Деньги для детских школ — причина, ради которой он станет слушать. Без его согласия автографа на картах не будет.

В этот миг софиты арены вспыхивают. Диктор объявляет выход Кирилла на второй период, и двенадцать тысяч голосов взрываются восторженным рёвом:

— Номер восемьдесят восьмой! Кирилл... СА-БУ-РОВ!

Стекла ложи мелко дрожат. Громов смотрит вниз, где Кирилл взметает снежную пыль, а на трибунах колыхнется море самодельных плакатов с его именем. Банкир оборачивается ко мне с уважительной усмешкой:

— Чёрт с тобой, Воронова. Ты умеешь убеждать. Где договор?

Я вынимаю типовой экспресс-меморандум спонсорского комитета лиги, вписываю сумму в двести пятьдесят миллионов и кладу на барную стойку. Громов размашисто подписывает документ. Бюджет клуба спасён. В меморандуме я оставляю запуск именных карт под отдельным письменным согласием Кирилла: его доверие дороже любого рекламного охвата.

Выйдя на балкон трибуны, я отправляю Кириллу короткое сообщение:

«Твой тыл прикрыт на всех уровнях. Финансы на месте. Просто побеждай».

Внизу у скамейки Сабуров читает экран, поднимает взгляд точно на мой сектор, едва заметно кивает и перешагивает борт.

Глава 3

Третий период. На табло 2:2. До финальной сирены остаётся пять минут.

Воздух над площадкой пахнет морозным озоном и раскалённой яростью борьбы. Я стою у открытой калитки скамейки запасных, вцепившись пальцами в край стекла.

«Локомотив» выставил против Сабурова двух огромных тафгаев для персональной опеки. Кирилл принимает шайбу в средней зоне. На него с двух сторон несутся защитники гостей. У меня перехватывает дыхание, но главный тренер Иван Степанович Голубев — наш мудрый Степаныч — применил мою подсказку: тактику «свободного художника». Вместо силового столкновения Сабуров на долю секунды приседает, закладывает резкий кошачий финт и уходит влево. Защитники на полном ходу с треском врезаются друг в друга! Стекло передо мной ходит ходуном, а Кирилл уже разгоняет контратаку под рёв стадиона.

Соперники звереют. Через смену защитник гостей исподтишка бьёт черенком клюшки Кириллу под коленную чашечку. Кирилл оседает от боли, но тут же распрямляется: мощным встречным ударом плеча он впечатывает наглеца в борт так, что с того слетает шлем. Арбитр фиксирует обоюдное удаление за грубость.

Кирилл садится в штрафной бокс прямо напротив меня. Сквозь тёмную сетку шлема я ловлю его раскалённый взгляд. На скуле бьётся желвак, но, заметив мои побелевшие пальцы на бортике, он чуть выравнивает дыхание.

В этот момент двое нетрезвых болельщиков соперника перевешиваются через перила надо мной:

— Эй, динамовская адвокатша! Сколько тебе отстегнул беглец из Бостона за ночные услуги?! Давай к нам на сектор, отработаешь!

Я сжимаю губы, игнорируя хамство, но Кирилл видит всё. Он срывается со скамьи и с пушечной силой впечатывает тяжёлую крагу в плексиглас прямо перед лицами хамов! Стекло звенит, парни в ужасе отскакивают назад.

— Вон отсюда, твари! Охрана, убрать их с сектора! Быстро! — рявкает Кирилл.

ОМОН мгновенно выводит провокаторов под руки. Кирилл бросает на меня взгляд такой первобытной защиты, что сердце сладко сжимается.

Штраф окончен. Кирилл снова на льду. На табло — сорок секунд до конца.

Наш защитник ошибается на чужой синей линии, и нападающий «Локомотива» улетает в чистый отрыв один на один с вратарём! Двенадцать тысяч человек в ужасе вскакивают со своих мест.

И Сабуров делает невозможное. Он совершает звериный рывок через всю площадку и за три метра до ворот бросается плашмя на лёд! В падении он вытягивает клюшку и выбивает шайбу прямо с крюка соперника за мгновение до броска!

Арена ревёт. Кирилл вскакивает, подхватывает снаряд и несётся в ответную атаку.

Остаётся пятнадцать секунд. Он влетает в правый круг. Вся оборона и вратарь ждут его убойного щелчка в ближний угол. Но Кирилл, не поворачивая головы, прячет шайбу под конёк и отдаёт филигранный слепой пас себе за спину сквозь коньки защитника!

Шайба идеально ложится на крюк набегающего Нестерова. Бросок в пустой угол — и сетка вздувается!

Голевая сирена! Ровно за двенадцать секунд до конца! Счет 3:2! Мы выдерживаем последнее вбрасывание — и уже финальная сирена закрепляет победу.

Арена ВТБ взрывается восторженным безумием! Золотые софиты, град кепок на льду, трибуны в едином порыве скандируют:

— СА-БУ-РОВ! СА-БУ-РОВ!

У меня по коже бегут мурашки восторга и гордости за него.

Команда катит к калитке. Кирилл тормозит в сантиметре от меня, обдавая мои колени ледяной крошкой. От него валит густой пар, грудь тяжело ходит. Он сдёргивает крагу и прижимает горячую, мокрую широкую ладонь к стеклу прямо напротив моих пальцев.

Я медленно прижимаю свою руку с другой стороны. Сквозь холодный плексиглас я чувствую жар его кожи и бешеный пульс. В его глазах горит немая, нерушимая клятва доверия.

* * *

Через сорок минут шум в подтрибунном помещении окончательно стихает. Охрана разогнала последних репортёров, победная пресс-конференция позади.

Я стою в опустевшем коридоре у тренерской с тяжёлой сумкой ноутбука на плече и папкой протоколов в руках. Шестнадцать часов непрерывной борьбы выжали меня без остатка: в висках пульсирует, глаза слипаются от усталости, плечо ноет под весом ремня.

Дверь душевой щёлкает. Выходит Кирилл: тёмные джинсы, плотная серая толстовка, влажное махровое полотенце на широких плечах, запах свежей мяты и мыла.

Он останавливается, замечая тени под моими глазами и то, как я прислонилась к холодной стене. Не говоря ни слова, Сабуров делает шаг, снимает с моего плеча сумку и забирает папку, легко забрасывая всё это себе на плечо.

— Кирилл, отдай, мне нужно сдать бумаги в секретариат... — тихо прошу я, пытаюсь дотянуться до ремня.

Он мягко перехватывает мою руку тёплой сильной ладонью и притягивает меня на шаг ближе к себе:

— Хватит судов на сегодня, Мира. Ты едва держишься на ногах и голодная, как волчонок. Я везу тебя ужинать. Возражения не принимаются.

Час пятнадцать ночи. Опустевший зал гриль-ресторана «Парус» на Краснопресненской набережной тонет в мягком полумраке. За гигантскими панорамными стёклами в чёрной воде Москва-реки дрожат золотые огни ночных мостов. В воздухе плывёт густой аромат жареного розмарина, древесного угля и свежесваренного кофе.

Я сижу в глубоком кожаном кресле у окна, отчаянно пытаюсь собрать мысли. Пальцы мелко подрагивают над клавиатурой планшета: нужно дописать пресс-релиз о победном дебюте Сабурова, пока спортивные таблоиды не растащили матч на крикливые домыслы. Голова гудит, глаза режет от шестнадцатичасового марафона без сна и отдыха.

— Меню закрой, — раздаётся над ухом спокойный, бархатный бас.

Кирилл опускается в кресло напротив. Он переоделся после победного матча: тёмные прямые джинсы, графитовая водолазка из тонкой шерсти, подчёркивающая чудовищную ширину плеч, влажные после командного душа тёмные волосы небрежно зачёсаны назад. От него веет морозной свежестью, мятой и тем спокойным мужским теплом, от которого у меня перехватывает дыхание.

— Мне только эспresso, — я пытаюсь вернуть привычную деловую маску, подтягивая планшет ближе. — У меня ещё три служебные записки в юридический департамент и сводка для дирекции...

Сабуров мягко пресекает мои возражения. Он властно накрывает меню своей тяжёлой ладонью, задвигает его и бросает подошедшему официанту:

— Два рибая средней прожарки на углях. Печёный картофель с розмарином, овощи на гриле и графин клюквенного морса. Девушке подайте только горячий зелёный чай с мятой.

— Сабуров! — вспыхиваю я, чувствуя, как щёки заливают румянец. — Я сама в состоянии решить, что мне заказывать! Это нарушение моих личных границ!

— В моём присутствии никто в команде не остаётся голодным, — невозмутимо парирует он. — Это закон, Мира. Ты второй день отпахиваешь за троих. Вчера вытащила меня из аэропорта и спасла от бана лиги, сегодня отбила спонсора и держала весь матч. А сейчас ты бледна, как мел.

Он мягко, но непреклонно забирает планшет из моих пальцев и перекладывает его на соседний столик:

— Гаджеты до утра под арестом. Сейчас ты просто ешь и дышишь.

Я собираюсь возразить, но в этот момент официант ставит передо мной деревянную доску с исходящим соком стейком. Аромат поджаренного мяса кружит голову, и желудок напоминает, что со вчерашнего дня во мне не было ни крошки. Я отрезаю кусочек — мясо тает на языке, разливаясь по телу благоденственным теплом. Кирилл наблюдает за мной с едва заметной, тёплой усмешкой в уголках губ.

Я ждала, что звёздный форвард станет упиваться триумфом, хвастаться пасом за двенадцать секунд до sireны или требовать эксклюзивных условий от руководства. Но Сабуров откидывается на спинку кресла, крутит в пальцах стакан с морсом и негромко спрашивает:

— Почему спортивное право, Мира? Ты закончила МГЮА с красным дипломом, могла спокойно вести слияния в Сити, сидеть в башне на шестидесятом этаже и грести бонусы. Зачем тебе лезть в этот хоккейный ад с грязными агентами, выбитыми зубами и скандалами?

Я замираю с вилок в руке. Никто из руководства клуба никогда не задавал мне таких вопросов — для них я всегда была идеальным юридическим щитом, безупречной функцией.

— Мой отец был детским тренером в Сокольниках, — тихо отвечаю я, глядя в чёрную гладь реки за окном. — В девяностые он тащил мальчишек со двора, заливал лёд по ночам из шланга, покупал коньки на свою нищенскую зарплату. А потом пришёл рейдерский фонд, подсунул липовые бумаги и отобрал у школы тренировочную арену под склад. Отец не пережил инфаркта. Тогда я поклялась, что выучу каждый параграф регламентов, чтобы ни один делец не мог безнаказанно ломать судьбы тех, кто живёт льдом.

Кирилл молчит. В его серых глазах вспыхивает такое глубокое понимание, словно я задела самый больной нерв в его душе. Он медленно достаёт из кармана телефон и показывает публикацию бостонского таблоида:

«Сабуров предал доверие клуба: миллионные махинации сибирского центра».

— Кристиан Бреннер был моим агентом с юности, — глухо говорит он, и в его голосе звучит выжженная дотла боль. — Я верил ему как отцу. Не вникал в бумаги, подписывал доверенности на управление счетами и просто выходил забивать. А потом узнал, что он через оффшоры отмывал деньги владельцев под моим именем. Когда я отказался участвовать в этой грязи и потребовал аудита — он сфабриковал фальшивые долговые векселя на пятнадцать миллионов долларов и пригрозил вышвырнуть меня из лиги с волчьим билетом. Я разорвал контракт за океаном не ради денег. Я вернулся, чтобы смыть эту ложь на родном льду.

Я накрываю его сжатый кулак ладонью. Его пальцы твёрдые, узловатые от старых переломов, но под моей рукой они чуть расслабляются.

— Мы разобьём его в прах, Кирилл. Я обещаю тебе.

Когда официант приносит счёт, я машинально достаю карту клуба:

— Это представительские расходы, клуб закрывает ужин.

Кирилл мгновенно накрывает платёжный терминал своей широкой ладонью и бросает наличные купюры:

— Убери. В моём присутствии ни одна женщина не достаёт кошелёк. Привыкай, Мира. Мы выходим на набережную. Ледяной ветер с реки налетает шквалом, прошивая моё пальто. Я невольно вздрагиваю от озноба, сжимая плечи. Сабуров замечает это в долю секунды: на ходу он расстёгивает своё тяжёлое кашемировое пальто, распахивает полы и решительно укутывает меня, прижимая к своему боку.

Запах согретого кашемира, кедровой смолы и его чистой силы накрывает меня целиком. Мне становится жарко, сердце колотится в горле. В кольцо его руки возникает чувство абсолютной защищённости, какого я не испытывала никогда в жизни.

Внедорожник тормозит у моего дома на Пресне. Кирилл выходит и открывает мне дверь.

Я останавливаюсь на гранитных ступенях подъезда, мягко высвобождая руку:

— Спасибо за ужин, Кирилл. Но дальше я сама. Завтра тяжёлый день, нам обоим нужна ясная голова.

Сабуров задерживает мою ладонь в тёплых пальцах на секунду дольше дозволенного, глядя прямо в глаза:

— Доброй ночи, Мира. Завтра в одиннадцать я заеду за тобой.

Глава 4

Одиннадцать утра. Премиальный комплекс «ВТБ Арена Парк». Высокий восемнадцатый этаж встречает нас головокружительным панорамным видом на чашу парка и серебристый купол стадиона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.